

Соловьев Андрей Юрьевич

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
an.solovjov@gmail.com

Встреча русского человека с Европой в путевых заметках петровского времени (А. А. Матвеев)*

Для цитирования: Соловьев А. Ю. Встреча русского человека с Европой в путевых заметках петровского времени (А. А. Матвеев). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2022, 19 (3): 486–496. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.305>

В статье поднимается вопрос о необходимости пересмотреть традиционный взгляд на путевые заметки Петровской эпохи как в некотором смысле naive произведения, субъект которых тождествен биографическому автору. Методология, выработанная в историко-лингвистических исследованиях В. М. Живова о языке русской письменности, применяется к материалу травелогов, с тем чтобы в явлении, синтезирующем гетерогенные признаки, каким литература путешествий является в принципе, а в переходную Петровскую эпоху в особенности, выявить прагматику высказывания. Внимание сосредоточено на записках дипломата А. А. Матвеева, составленных им для себя в результате его поездки из Гааги в Париж (1705–1706). На примере повествовательного приема — описания памятников французской столицы и надписей к ним на латинском языке — показано, что в действительности функция произведения Матвеева не сводится к чисто дипломатическим задачам собственно путешествия. Описания, зафиксированные в тексте Матвеева, несли политическую нагрузку: автор одновременно собирал образцы надписей и демонстрировал новый для России способ прославления правящего монарха. Данная своеобразная «коллекция» Матвеева рассматривается также в контексте актуальных в начале XVIII в. культурных явлений: частных и придворных собраний редкостей, тиснения памятных медалей и т. п. Изменение функции заимствованных элементов в путешествии открывает историко-литературную перспективу, выводит сочинения, подобные запискам Матвеева, из зоны маргинальных литературных явлений, позволяя увидеть в них тенденции, ключевые для переходного периода истории русской литературы. Для описания этих процессов больше подходит не констатация западноевропейского происхождения отдельных элементов культуры, а изучение их прагматики, связанной с размежеванием со старой культурой.

Ключевые слова: литература путешествий, переходная эпоха, А. А. Матвеев, скульптура, надпись.

В рамках данной статьи мы остановимся на одном произведении — путевых заметках Андрея Артамоновича Матвеева (1666–1728), постоянного русского посла в Гааге (1699–1712), графа Священной Римской империи (1715), владельца обширной для своего времени библиотеки, наконец, сына боярина Матвеева, убитого

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00527 «Литература “переходных эпох” как инструмент модернизации социальных связей», <https://rscf.ru/project/21-18-00527/>, ИРЛИ РАН.

во время стрелецкого бунта 1682 г. — события, о котором он оставил «Записки» [Матвеев 1997].

А. А. Матвеев инкогнито предпринял дипломатическую поездку из Гааги в Париж в 1705–1706 гг. Вскоре после этой миссии, очевидно, опираясь на какие-то предварительные заметки, он написал текст о своем путешествии. Сочинение, оставшееся в рукописи, полтора столетия было известно по спискам, опубликовано в извлечениях в XIX в., а полная научная публикация состоялась лишь в 1972 г. [Матвеев 1972]. Два списка, по которым публиковался этот текст, относятся к 1730–1740-м гг. В них дано название — «Архив, или Статейный список». В черновой же рукописи автор озаглавил сочинение как «1705 года сентября Дневник частного посольства ко французскому двору» (в оригинале на латыни: «1705. 7 bris. Diarius privatae legationis ad Aulam Galliae» [Матвеев 1972: 29]; сам текст написан по-русски).

Произведение Матвеева сначала последовательно описывает каждый пункт маршрута посольства, а в дальнейшем сообщает сведения о Людовике XIV, его окружении и собственно дипломатических встречах.

Традиционно считается, что в путевых заметках Петровской эпохи субъект тождествен себе — биографическому автору (ср.: «Авторами путевых записок были... дилетанты, свободно и ярко проявлявшие свою индивидуальность в художественном творчестве» [Ольшевская, Травников 1992: 252]), а значит, прагматика этих произведений неотделима от непосредственных задач собственно путешествий, которые предпринимались их авторами, — образовательных и дипломатических.

Кроме того отмечается, что

поначалу в эти путешествия люди, как правило, отправлялись *насильственно*; причем сами путешествия носили своего рода *идеологический характер*. Ведь страны Европы, куда подданным Петра надлежало ехать учиться, считались тогда «басурманскими» и еретическими; само путешествие нередко ассоциировалось с *изгнанием из страны*, ссылкой, даже с возможной гибелью (здесь и далее курсив в цитатах — в источнике, если не оговорено иное. — А. С.) [Тиме 2007: 4].

Как религиозные различия, так и материальные трудности, с которыми сталкивались за границей русские, отправленные туда правительством (а поездок по своей воле не было до Манифеста о вольности дворянства 1762 г.), как считается, мешали им делать развернутые наблюдения и обобщения о жизни Европы.

Это можно подтвердить и на материале путевых заметок Матвеева. Хотя они характеризуются обычно как «первая русская книга, посвященная Франции» [Шокарев 1997: 425] (см. также: [Пыпин 1899: 255–258; Сивков 1914: 18]), в действительности представляют собой подробный перечень разнообразных фактов, и из всего обширного отчета можно извлечь лишь одну мысль, претендующую на обобщение наблюдений: «О остроте народа того. Народ как парижской, так и во всей Франции весьма многороботной и ко внутреннему изследованию всяких художеств поятной, где художества больши прочих всех государств европейских цветут и всех свободных наук ведения основательное повсегда умножается» [Матвеев 1972: 51].

Да и эта запись говорит не столько о характере народа, сколько о его умениях и свойствах, т. е. о том, чему можно учиться, что можно русскому почерпнуть у европейцев. Дело, однако, не в обобщениях, вернее, не столько в них. Чтобы счи-

тать подобные высказывания важными для структуры текста, нужно, чтобы они действительно подытоживали собой повествование о частностях — как это будет, например, у Фонвизина, который после многих наблюдений о жизни Франции, сообщенных им в письмах к П. И. Панину, дает обобщенный очерк о национальном характере французов в отдельном многостраничном письме. Здесь это не так, и конструктивный принцип повествования Матвеева следует рассматривать на другом примере.

Повторим, что описание Парижа в первой части записок Матвеева построено как путеводитель; сведения о достопримечательностях нанизываются на маршрут посольства, с севера (предместье Сен-Дени) в расположенный в центре Парижа квартал Сен-Жермен, за Новым мостом.

Особенность, которая обращает на себя внимание, — это пристрастие Матвеева к описанию памятников и надписей к ним. Автор приводит все многословные латинские надписи на «подобиях» — как он называет памятники. Например, о памятнике Генриху IV на Новом мосту сообщается следующее:

Подобие Генрика 4, короля Франции. Подале того обретается изваянное подобие медное, от большей части с серебром смешанное, короля Генрика 4 в латах, на лошади великой в изрядном зело художестве, котораго зело изрядная ж лошедь итальянской работы дивной есть.

Сие изваяние поставлено на мраморном белом столпе высотой сажени в две, при в самом въезде в перспективу домов, кои от мосту до самых старых королевских полат, или Пале, протянулися.

Сие подобие поставлено от Людовика 13, сына его, от отца нынешняго короля, в 1635 году.

По сторонам сего столпа четверугольного вбиты доски медныя, где изображены все знаменитыя большия дела и победы сего короля.

Подпись с приходу к лошаде последующая есть.

Подпись при подобии. «Генрику 4, императору французскому, королю наварскому, Людовик 13, сын его, труд начатой и положенной за достоинство благочестия и империи пространнее и ширшее окончал.

Превосходительнейшей кардинал господин Ришелье общее желание народа произвел и чрез изящнаго де Буиллион Бутиллие сие создати повелел в 1635 году».

Под сею подписью внизу:

«Всяк, кто сие прочитат будет, так прочитай яко изрядному королю желай войска крепкаго, народа вернаго и государства безопаснаго».

С трех протчих сторон подписи, которыя только служат к изрядству повестей объвления его дел [Матвеев 1972: 60–61].

Надписи Матвеев сразу переводит с латинского на русский язык, сообщает их своему потенциальному читателю без комментариев.

Встречаются утверждения, что, хотя Матвеев «хорошо переводил с французского, но переводы с латинского торжественных надписей ему не удалось» [Шаркова 1972: 18]. Опубликовавшая полный текст Матвеева И. С. Шаркова полагает, что, «стремясь найти в русском языке что-то адекватное лаконичному латинскому синтаксису, он вынужден ломать строй русской речи» [Шаркова 1972: 18]¹. Не беремся

¹ «Латинский строй речи» в другом сочинении Матвеева — «Записках о стрелецком бунте» — отмечал и Е. Ф. Шмурло [Шмурло 1896: 778].

оценивать, насколько переводы Матвеева соответствуют уровню современных ему русских переводов с латинского, но отметим, что, на наш взгляд, они вполне точно отражают содержание оригиналов.

Слово «оригинал» в данном случае имеет источниковедческое значение: Матвеев, если и делал копии надписей собственноручно, то во всяком случае не в те моменты, когда они появляются в его повествовании: посол торопился к месту ночлега и вряд ли мог тратить время на долгие остановки на площадях. Публикаторами заметок в издании 1972 г. установлено, что вся вступительная часть описания Парижа заимствована Матвеевым из ряда работ французских авторов, в частности из «Описания города Парижа» Жермена Бриса (первое издание — 1698 г.), которое находилось в его библиотеке [Библиотека Матвеева 1985]².

Иногда Матвеев приводит надписи не только к скульптурам, но и к архитектурным сооружениям:

Ворота светяго Мартина. Потом ворота светяго Мартина проезжал посол, кои на лето 1674 зделаны. Они построены на манеру, или на образец, арка Триуфальнаго о трех проездах.

Лицо тех ворот имеет около 50 пасов, или стоп, в высоту и в ширину, работою, коя имянется по-французски боссаже рустике, с резьбою, подобною работе чеканной. Над малыми въездами, над коими положен антаблемон дориченской с резьбою сих слов на латинском языке с стороны въезду.

Подпись над воротаы. «Людовику великому везене и секванам городам дважды взятым и пораженным немецким, гишпанским и голанским войскам лета 1674».

А з другой страны сие последующее: «Людовику великому понеже взял Лимбург безмочныя неприятельския грозы воничтожил лета 1675» [Матвеев 1972: 59].

О том, что именно памятники монархов вызывали особенный интерес Матвеева, свидетельствует его обращение с источниками.

Глава с описанием Вандомской площади (площади Великого Людовика) в источнике (т. е. у Бриса) занимает семь страниц [Brice 1706: 182–189], у Матвеева — один абзац, пересказывающий основное содержание. Следующая глава Бриса — «Конная статуя короля» [Brice 1706: 189–191]. Русский автор переводит первый абзац, добавляя от себя сведения о внешнем виде статуи Людовика XIV. Далее идет полный перевод надписи, занимающий, естественно, столько же места у Матвеева, сколько в книге Бриса. И краткое описание площади, опирающееся на предыдущую главу Бриса. Потом Матвеев пропускает несколько десятков страниц источника с описаниями улиц и отдельных зданий квартала Рош и переходит к площади Виктуар — следующее в источнике место, где описывается памятник «королю-солнцу» и надпись на его пьедестале [Brice 1706: 226].

О памятнике Карлу V в Генте Матвеев, например, писал:

...том же (так! — А. С.) городе на большем рынке, которой называется Новой торг, на великом пирамиде, или столпе, довольной вышины стоит подобие Карола 5, цесаря римского, в короне и скипетром, с его прямого изваяно (**как слышится**) лица,

² Помимо Бриса, были другие источники, издания которых были доступны Матвееву: книга Л. Морери (L. Moréri) «Le grand dictionnaire historigue» (Lyon, 1674; Paris — различные годы издания; какое именно было у Матвеева, установить не удалось), а также опубликованное анонимно сочинение «L'Etat de la France» (Paris, 1702. Vol. 1–3).

медное, вызолочено на красном. <...> Он родился... в малой самой камере, которая... украшена изрядными резьбами всех в его цесарскую жизнь славных бывших побед и дел, **которую посол видел**. В той же камерке написано над комином латинскими литерами, что в день светого Матвея в малой сей камере рожден Карол пятый (выделено нами. — А. С.) [Матвеев 1972: 40–41].

То есть Матвеев отмечает, что видел и слышал сам. Возможно, не было источника, по которому он мог бы привести надпись к памятнику Карлу V. Зато он видел надпись в «камере» и привел ее в своем тексте.

Соотношение между непосредственными наблюдениями и заимствованиями из источников как элементами конструирования текста — одна из центральных проблем в изучении традиции путешествий. В русской литературе мы вряд ли найдем хотя бы одно произведение, которого эта проблема не касалась бы. Приведем в качестве примера суждение Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского о том, как поступал с книжными источниками Карамзин в «Письмах русского путешественника»:

...путешественник Карамзина — это путешественник с книгой в руках. Он смотрит на то, что уже знает по описаниям, и не стесняется книжных заимствований в своем произведении. Вся Европа расстилается перед ним, как обширный сборник цитат, и он наслаждается, узнавая уже знакомое и указывая неискушенному читателю на источники этих цитат, овеществленных в городах, замках и исторических памятниках [Лотман, Успенский 1984: 572].

В некоторой степени это применимо и к тексту Матвеева: заимствованные элементы — описания памятников — меняют свое назначение в новом окружении. Но у Карамзина описания скульптур, исторических зданий, картин и т. п. служат введением в исторические рассказы, призванные привлечь читателя занимательностью, воздействовать на их чувства. Это явление, характерное для литературной культуры следующего переходного периода, конца XVIII — начала XIX в. Помня об исторической перспективе, нужно, очевидно, искать другое объяснение введению надписей в текст заметок Матвеева.

Публикаторы произведения Матвеева отмечают, что в нем отразилась личность русского посла, его интересы и пристрастия. И это, безусловно, так: автор «Записок о Московии» Ф. де ла Невилль, познакомившийся с Матвеевым в Москве в 1689 г., отмечал: «Этот молодой господин очень умен, любит читать, *хорошо говорит на латыни*, очень любит новости о событиях в Европе и имеет особую склонность к иностранцам» [Невилль 1996: 131]. Известно, что Матвеев занимался переводами с латинского³. В составе его библиотеки почти половину занимали книги и рукописи на латинском языке (444 тома из 902); кроме того, в ней были представлены путешествия и описания разных стран. Так что общий его интерес к европейским государствам и географическим жанрам мог влиять на стремление создать свое произведение о поездке⁴, а увлечение латинским языком — на копирование и перевод латинских надписей. Однако интересами Матвеева не объяснить того, какую роль переводы латинских надписей играют в его тексте.

³ См.: «...сохранился (в рукоп.) перевод М. “Анналов” Барония, сделанный в 1690-х гг.» [Шмурло 1896: 778].

⁴ Ср.: «Францию, Париж, Версаль и французов А. А. Матвеев описал не столько для отчета, сколько для себя» [Шаркова 1972: 4].

Был ли задачей автора перевод как таковой?

М. А. Алпатов отмечает как особенность построения повествования Матвеева то, что иногда его сочинение носит характер «обращения к другому лицу (в котором нетрудно угадать Петра I), перед которым автору надлежало отчитываться» [Алпатов 1976: 206]. Но очень трудно предположить, что Матвееву, помимо его дипломатических обязанностей, было дано задание переписать надписи на постаментях: достаточно было привезти в Россию книгу, из которой они были взяты, а если Петру по какой-либо надобности нужны были эти надписи на русском языке, а не на латыни, можно было поручить ее перевод менее занятому лицу. Так что Матвеев, скорее всего, приводит (и переводит) их по собственной инициативе. На наш взгляд, Петр для Матвеева мог выступать как заказчик и адресат только в самом отдаленном смысле: Петр требует изменений в том, как и какие книги нужно писать и переводить, и Матвеев исполняет этот «заказ». О прямом задании, еще раз подчеркнем, по нашему мнению, речи быть не могло.

Дипломатическими заданиями Матвеева никак не объяснить те подробности, которыми он украшает свое повествование: они должны играть роль в общем замысле книги. Даже если он **просто собирает** воедино все те сведения о Франции, которые ему удалось разыскать (прочитать или увидеть своими глазами либо — что важно и характерно для путевой литературы — прочитать, а потом увидеть), то принцип отбора говорит нам о прагматике, повествовательном задании его труда. О том, что Матвеев не копировал из источников все подряд, свидетельствуют приведенные выше количественные сопоставления с книгой Бриса.

С нашей точки зрения, принцип отбора у Матвеева имеет прямое отношение к идеологии царствования Петра I в культурной сфере. В понимании этой идеологии мы опираемся на лингво-культурологическую концепцию В. М. Живова:

Разрыв с прошлым был важнейшей составляющей той концепции русской истории, которую царь-реформатор внушал своим подданным. <...> Понятно, что в этом контексте все сферы поведения получают первостепенную политическую и идеологическую значимость... в каждой сфере образуется оппозиция нового и старого, европейского и традиционного, секулярного и клерикального. Именно в этом контексте борьбы противостоящих начал является царство бинарных оппозиций [Живов 2017: 934–936].

Исследователь рассматривает процесс размежевания как конституирующий языковую политику Петра I: «Новая культура должна была создать для себя новый язык, отличный от традиционного» [Живов 2017: 936]. Живов говорит о том, что генетическая разнородность, которая обычно приводится как основная характеристика языка Петровской эпохи, может и должна отступить перед функциональной характеристикой, эвристически более ценной. Те же процессы нужно изучать и на уровне высказывания в целом. Сочинение Матвеева, на наш взгляд, — характерный пример такого размежевания.

О Матвееве пишут обычно, что он, наряду с П. А. Толстым, выделяется среди русских авторов путешествий петровского времени тем, что мог по достоинству оценить увиденное им как **новое**, а не просто как странное⁵.

⁵ И. С. Шаркова даже задается вопросом, «не были ли эти черты усилены ощущением сдвигов, совершавшихся в его родной стране, убеждением, что именно новое достойно внимания для изу-

Опираясь на описание книг Матвеева, на оригинальность его рассказа о путешествии в сопоставлении с работами других дипломатов обратил внимание французский исследователь В. Берелович. Несмотря на неудачу миссии,

в культурном и политическом отношении в широком смысле этого слова можно говорить о несомненном успехе. Знакомство с Версалем, скульптурами, фонтанами, дворцом и парком — все это свидетельствует не только о столь свойственном европейскому путешественнику той поры стремлении серьезно выполнять работу «туриста», но являет собой яркие символы особой культурной модели западноевропейского королевского двора, которую Петр Великий собирался в скором времени внедрить в России и которую одним из первых Матвеев описал изнутри. Здесь он выступает не просто как ловкий дипломат, но один из тех людей, посредством которых происходило окультуривание русской элиты [Берелович 1996: 204, 207] (см. также: [Berelowitch 1995: 389–403]).

Согласимся с этим высказыванием и попробуем его конкретизировать.

Надписи на пьедесталах, которые Матвеев дает в своем переводе, — такие же заимствованные элементы его текста, как и описания того, что посол увидел своими глазами. По сути, все, что описывается в путешествии, — это заимствования: сведения, заимствованные из источников, образы, заимствованные из реальности чужого географического и культурного пространства.

Их функция, на наш взгляд, заключалась в том, чтобы показать новый для России способ прославления правящего монарха, соединяющий слово и объемное изображение. Ко времени Петра I русские могли видеть публичные изображения своих правителей разве только на монетах, а трехмерных «подобий», кроме рельефных или скульптурных изображений святых, русская культура не признавала. Первые светские скульптуры — заказанные за границей украшения Летнего сада — появились только в 1710-е гг., но и это были не правители, тем более ныне здравствующие. Бюст Петра I работы Б. К. Растрелли был закончен в 1723 г. (до этого им был создан бюст Меншикова, 1717). А растреллиевский конный памятник первому российскому императору при жизни Петра не был завершен (одним из образцов служил как раз Людовик XIV на Вандомской площади). Оба изображения были призваны воплощать идею императорской власти, абсолютизма, в правление Петра переживавшего персонификацию и расчленение понятий «государь» и «государство» [Мозговая 1995].

Еще один контекст, который следует хотя бы мельком здесь упомянуть, — это частные и придворные коллекции XVI–XVIII вв., кабинеты редкостей, в том числе книг, табличек и надписей, которые органично входили в «микрокосм» подобных собраний. Известно, что петровская Кунсткамера при ее учреждении мыслилась не исключительно естественно-научным кабинетом, но была непосредственно связана с библиотекой Петра. Экспонирование, которое, будучи неотделимым от собирательства, в петровской концепции Кунсткамеры играло роль репрезентации нового Российского государства [Николози 2007: 157], в случае «коллекции» Матвеева, впрочем, не было репрезентацией вовне, а уходило «внутри» текста.

чения, а возможно, и для пересаживания на родную почву?» [Шаркова 1972: 17]. Впервые на это обратил внимание Н. П. Павлов-Сильванский, см.: [Павлов-Сильванский 1897: 9–10].

Некоторую параллель матвеевским «подобиям» представляют и памятные медали, отлитые в петровское царствование в честь военных побед: на Неве над шведскими кораблями («Небывалое бывает»), в Полтавской битве, Гангутском сражении, в память о Ништадтском мире и др. В 1717 г., когда Петр I «благоволил воспринять путешествие в Париж, чтобы обозреть тамо изящность зданий, разные учреждения и из того почерпнуть нечто для пользы своего государства», в его честь была вытиснена медаль:

...на первой стороне ея грудной образ, увенчанный лаврами, в латах, покровенный порфирию, с надписью: Petrus Alexiewicz Rex Mag. Russ. Imperator; на обороте представлена от земли парящая и проповедующая Слава, при восходящем солнце, с надписью: Vires acquirit eundo. Внизу: Lutet. Parisiorum. MDCCXVII [Журнал 1841: 402].

«Коллекционирование» Матвеевым «подобий» монархов и надписей к ним ни в коем случае нельзя приравнивать к описанию непосредственных впечатлений русского человека, впервые оказавшегося за границей. Он не был новичком в европейской жизни и, как уже говорилось, до поездки в Париж провел несколько лет в Нидерландах, т. е. был подготовлен к восприятию нового. Однако в своих записках Матвеев применяет стратегию описания именно с позиции первой «встречи», что также надолго задержится в традиции русских травелогов.

В тексте о дипломатической миссии, которая призвана была подчеркнуть изменившуюся роль России в Европе, Матвеев подчеркивает то новое, что демонстрирует интерес русской культуры к разрыву со старым. Описания памятников и перевод надписей к ним — один из наиболее ярких элементов произведения Матвеева. Функция этого элемента — в его политической новизне, и он характеризует не знакомство с Европой, а размежевание со старой культурной традицией. Не беремся утверждать, что так происходит во всех путешествиях Петровской эпохи. Но в этом механизме реализуется переходный характер текстов культуры этого времени.

Источники

- Библиотека Матвеева 1985 — *Библиотека А. А. Матвеева (1666–1728): Каталог*. Полонская И. М. и др. (сост.). М.: ГБЛ, 1985.
- Журнал 1841 — Журнал ежедневный пребывания в Париже государя императора Петра Алексеевича. *Русский вестник*. 1841, (2): 401–413.
- Матвеев 1972 — *Русский дипломат во Франции (записки А. Матвеева)*. Шаркова И. С. (публ., подгот. текстов), Люблинская А. Д. (ред.). Л.: Наука, 1972.
- Матвеев 1997 — Матвеев А. А. Описание возмущения московских стрельцов. В кн.: *Рождение империи*. Либерман А., Шокарев С. (сост.). Сер.: История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 359–414.
- Невилль 1996 — Невилль Ф. де ла. *Записки о Московии*. Лавров А. С. (предисл., пер., комм.); Назаров В. Д., Калинин Ю. П. (отв. ред.). Сер.: Россия и российское общество глазами иностранцев XV–XIX вв. Вып. 1. М.: Аллегро-пресс, 1996.
- Ольшевская, Травников 1992 — Ольшевская Л. А., Травников С. Н. «Умнейшая голова в России...» В кн.: *Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе 1697–1699*. Ольшевская Л. А., Травников С. Н. (подгот. изд.). Сер.: Литературные памятники. М.: Наука, 1992. С. 251–291.
- Сивков 1914 — Сивков К. В. *Путешествия русских людей за границу в XVIII в.* СПб.: Энергия, 1914.

- Шмурло 1896 — Е. Ш. [Шмурло Е. Ф.]. Матвеев Андрей Артамонович. В кн.: *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. СПб., 1896. Т. XVIII-А (36).
- Brice 1706 — Brice G. *Description de la ville de Paris et de tout ce qu'elle contient de plus remarquable*. In 2 vol. Vol. 1. Paris: Nicolas Le Gras, 1706.

Литература

- Алпатов 1976 — Алпатов М. А. *Русская историческая мысль и Западная Европа. XVII — первая половина XVIII века*. М.: Наука, 1976.
- Берелович 1996 — Берелович В. Посланец Петра Великого А. А. Матвеев в Париже. 1705–1706 гг. Ельмеева З. С., Прилипко Н. С. (пер. с фр.). *Исторический архив*. 1996, (1): 203–214.
- Живов 2017 — Живов В. М. *История языка русской письменности*: В 2 т. Т. 2. М.: Университет Дмитрия Пожарского; Русский фонд содействия образованию и науке, 2017.
- Лотман, Успенский 1984 — Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры. В кн.: Карамзин Н. М. *Письма русского путешественника*. Лотман Ю. М., Марченко Н. А., Успенский Б. А. (подгот. изд.). Сер.: Литературные памятники. Л.: Наука, 1984. С. 525–606.
- Мозговая 1995 — Мозговая Е. Б. Образ Петра I — императора в произведениях Бартоломео Карло Растрелли. В сб.: *Монархия и народовластие в культуре Просвещения*. Кучеренко Г. С. и др. (ред.). М.: Наука, 1995. С. 3–16.
- Николози 2007 — Николози Р. Микрокосм нового: Кунсткамера, Петербург и символический порядок Петровской эпохи. Ластовка Т. (пер. с нем.); Богданов К. (ред.). В сб.: *Петр Великий*. Анисимов Е. В. (сост., ред.). Сер.: Нация и культура. Новые исследования: Россия/Russia. М.: Обьединен. гуманитар. изд-во, 2007. С. 156–174.
- Павлов-Сильванский 1897 — Павлов-Сильванский Н. *Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты*. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1897.
- Пыпин 1899 — Пыпин А. Н. *История русской литературы*. В 4 т. Т. 3. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899.
- Тиме 2007 — Тиме Г. А. О феномене русского путешествия в Европу. Генезис и литературный жанр. *Русская литература*. 2007, (3): 3–18.
- Шаркова 1972 — Шаркова И. С. А. А. Матвеев и его труд. В кн.: *Русский дипломат во Франции (записки А. Матвеева)*. Шаркова И. С. (публ., подгот. текстов), Люблинская А. Д. (ред.). Л.: Наука, 1972. С. 4–31.
- Шокарев 1997 — Шокарев С. Записки современников Петра Великого об эпохе преобразований. В кн.: *Рождение империи*. Либерман А., Шокарев С. (сост.). Сер.: История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 415–426.
- Berelowitch 1995 — Berelowitch W. Aux sources d'un modele a construire: la France de 1705 vue par un Russe. In: *De Russie et d'ailleurs. Melanges Marc Ferro*. Paris: Institut d'études slaves, 1995. P. 389–403.

Статья поступила в редакцию 6 марта 2022 г.
Статья рекомендована к печати 7 апреля 2022 г.

The meeting of a Russian with Europe in the travel writings of Peter the Great's era (A. A. Matveev)*

For citation: Solovev A. Iu. The meeting of a Russian with Europe in the travel writings of Peter the Great's era (A. A. Matveev). *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2022, 19 (3): 486–496. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.305> (In Russian)

The paper revises the traditional view at the travel writings of the era of Peter the Great. They are usually considered as naive works, and content of these works as identical to the biographies of its authors. The method of historical and linguistic research of V. M. Zhivov on the language of Russian writing is applied to the material of travelogues. The main purpose is to account for the pragmatics of the utterance in travel literature as in a phenomenon synthesizing heterogeneous features in principle and in the transitional Peter's Era in particular. The paper is focused on the notes of the diplomat A. A. Matveev, compiled by him for himself as a result of his journey from the Hague to Paris (1705–1706). The narrative technique in Matveev's text is examined (descriptions of the monuments of the French capital and the inscriptions to them in Latin), and it is shown that we should not reduce the function of Matveev's work to purely diplomatic tasks of his actual journey. The descriptions recorded in Matveev's text were politically charged: the author not only collected samples of inscriptions, but also demonstrated a new way for Russia to glorify the reigning monarch. This peculiar *collection* of Matveev is also considered in the context of cultural phenomena that were relevant at the beginning of the 18th century: private and court collections of rarities, embossing of commemorative medals, etc. The conclusion is made that borrowed elements change their function in the travelogue. In the historical and literary perspective, we must bring such works as Matveev's notes out of the zone of marginal literary phenomena. In general, this allows us to see the key trends of the transitional period of the history of Russian literature. It is more appropriate to consider these processes not to state the Western European origin of individual elements of culture, but to analyze their pragmatics associated with the demarcation from the old Russian culture.

Keywords: travel literature, transition, A. A. Matveev, sculpture, inscription.

References

- Алпатов 1976 — Alpatov M. A. *Russian Historical Thought and Western Europe. The 18th — the First Half of the 19th Century*. Moscow: Nauka Publ., 1976. (In Russian)
- Берелович 1996 — Berelovich V. Peter the Great's Ambassador A. A. Matveev in Paris 1705–1706. El'meeva Z. S., Prilipko N. S. (transl. from French). *Istoricheskii arkhiv*. 1996, (1): 203–214. (In Russian)
- Живов 2017 — Zhivov V. M. *History of the Russian Written Language*. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Universitet Dmitriia Pozharskogo Publ.; Russkii fond sodeistviia obrazovaniu i nauke Publ., 2017. (In Russian)
- Лотман, Успенский 1984 — Lotman Iu. M., Uspenskii B. A. "Letters of a Russian Traveler" by Karamzin and their Place in the Development of Russian Culture. In: Karamzin N. M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika*. Lotman Iu. M., Marchenko N. A., Uspenskii B. A. (publ. prep.). Ser.: Literaturnye pamiatniki. Leningrad: Nauka Publ., 1984. P. 525–606. (In Russian)

* The study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 21-18-00527 in the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, <https://rscf.ru/project/21-18-00527/>.

- Мозговая 1995 — Mozgovaia E. B. The Image of Peter the Great — the Emperor in the Works of Bartolomeo Carlo Rastrelli. In: *Monarkhiia i narodovlastie v kul'ture Prosveshcheniia*. Kucherenko G. S. et al. (eds). Moscow: Nauka Publ., 1995. P. 3–16. (In Russian)
- Николози 2007 — Nikolozii R. Microcosm of the New: The Kunstkamera, St Petersburg and the Symbolic Order of Peter the Great's Era. Lastovka T. (transl. from German); Bogdanov K. (ed.). In: *Petr Velikii*. Anisimov E. V. (comp., ed.). Moscow: Ob'edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo Publ., 2007. P. 156–174. (In Russian)
- Павлов-Сильванский 1897 — Pavlov-Sil'vanskii N. *Reform Projects in the Notes of Peter the Great's Contemporaries. Experience of Studying Russian Projects and their Unpublished Texts*. St Petersburg: Tipografia V. Kirshbauma, 1897. (In Russian)
- Пыпин 1899 — Pypin A. N. *History of Russian Literature*. In 4 vols. Vol. 3. St Petersburg: Tipografia. M. M. Stasiulevicha, 1899. (In Russian)
- Тиме 2007 — Time G. A. About the Phenomenon of Russian Travel to Europe. Genesis and Literary Genre. *Russkaia literatura*. 2007, (3): 3–18. (In Russian)
- Шаркова 1972 — A. A. Matveev and his work. In: *Russkii diplomat vo Frantsii (zapiski A. Matveeva)*. Sharikova I. S. (comp.), Liublinskaia A. D. (ed.). Leningrad: Nauka, 1972. P. 4–31. (In Russian)
- Шокарев 1997 — Shokarev S. Notes by Contemporaries of Peter the Great about the Era of Transformation. In: *Rozhdenie imperii*. Liberman A., Shokarev S. (comp.). Ser.: *Istoriia Rossii i Doma Romanovykh v memuarakh sovremennikov. XVII–XX vv.* Moscow: Fond Sergeia Dubova Publ., 1997. P. 415–426. (In Russian)
- Berelowitch 1995 — Berelowitch W. Aux sources d'un modele a construire: la France de 1705 vue par un Russe. In: *De Russie et d'ailleurs. Melanges Marc Ferro*. Paris: Institut d'etudes slaves, 1995. P. 389–403.

Received: March 6, 2022

Accepted: April 7, 2022